

На правах рукописи

СТЕПАНЕНКО НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ

**ЛОКАЛЬНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ
В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНА В СОСТАВ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1830–1860-Е ГГ.)**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Пятигорск – 2022

Работа выполнена на кафедре исторических
и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Пятигорский государственный университет»

Научный руководитель:

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск).

Официальные оппоненты:

Абазов Алексей Хасанович, доктор исторических наук, заместитель генерального директора по научной работе ФГБУН «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (г. Нальчик);

Трапш Николай Алексеевич, кандидат исторических наук, директор ГКУ РО «Государственный архив Ростовской области» (г. Ростов-на-Дону).

Ведущая организация: АНОО ВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге».

Защита состоится 24 ноября 2022 г. в 13 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета 24.2.320.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 3030.

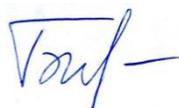
E-mail: dissovet.fismo@kubsu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета. Электронная версия автореферата размещена на сайте ВАК Минобрнауки РФ: <http://vak.ed.gov.ru>

Диссертация и автореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета: <http://www.kubsu.ru>

Автореферат разослан ____ сентября 2022 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф.

А.В. Баранов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Региональная тематика всё более востребована в современной исторической науке. Без понимания особенностей протекания исторического процесса на отдельных территориях невозможно в полной мере воссоздать целостную картину развития России в прошлом.

История российско-горского взаимодействия первой половины XIX в. достаточно противоречива. Она содержит большое количество примеров как военного противостояния, так и созидательной деятельности, поэтому важно продемонстрировать особенности взаимоотношений народов региона в период «Кавказской войны» во всём сложном многообразии. Одной из таких граней был добровольный переход российских подданных к горцам Северо-Западного Кавказа и наоборот – перемещение горцев под покровительство России.

В условиях «Кавказской войны» взаимные индивидуальные и групповые переселения не были столь уж редким явлением. Более того, российская военная администрация и горцы выработали специфическое отношение к беглецам, что позволяло последним не только переходить в другой лагерь, но и возвращаться обратно. Они играли важную роль межкультурных коммуникаторов, заложивших одну из основ для интеграции региона в состав Российской империи.

В постсоветской России вышло достаточно много работ, в той или иной степени затрагивающих события, разворачивавшиеся на Северо-Западном Кавказе в 30–60-е гг. XIX в. Однако проблема взаимных переходов россиян и горцев имеет много «белых пятен». Это дополнительно актуализирует тему.

Термин «Кавказская война» взят нами в кавычки, т.к., по нашему мнению, он не в полной мере отражает суть происходивших в то время событий. В.В. Лапин охарактеризовал данное явление как лишённое внутреннего единства и существующее в виде устоявшейся словесной формулы исключительно благодаря территориальной локализации действий вооружённых сил России¹.

Тема локальных переселений на Северо-Западном Кавказе в условиях интеграции региона в состав Российской империи в 1830–1860-е гг. наглядно показывает, что такое многоплановое историческое явление как «Кавказская война» нельзя сводить только к вооружённым столкновениям. В этот период шёл процесс взаимопознания и взаимовлияния народов, которому помогали перебежчики и переселенцы между подконтрольными и неподконтрольными Российской империи территориями. Постоянная миграция населения преобразовала демографическую структуру Северного Кавказа. Политика российских властей и отношение общества к переселенцам напрямую или опосредовано способствовала процессу выстраивания полиэтничного сообщества и эффективного межличностного сотрудничества в регионе в рамках единого государства.

Объект исследования – миграционные, социальные и этнополитические процессы на территории Северо-Западного Кавказа, юридически ставшего частью России.

---

¹ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. С. 10.

Предмет исследования – особенности локальных переселений на Северо-Западном Кавказе в условиях интеграции региона в состав Российской Империи в 1830–1860-е гг.

Хронологические рамки исследования охватывают 1830–1860-е гг. В качестве нижней хронологической грани взят 1829 г., когда был заключён Адрианопольский мирный договор между Османской и Российской империями. Согласно его условиям, право владения восточным побережьем Чёрного моря и обширными территориями на левом берегу Кубани перешло к России. Однако фактически она их не контролировала более 30 лет. В этих условиях и происходили локальные переселения. Верхней хронологической границей является 1864 г., когда завершились военные действия на Северо-Западном Кавказе.

Вторая треть XIX в. является хронологическими рамками данной работы. Однако мы допускаем некоторые отступления в более ранние и поздние временные периоды, чтобы полнее осветить причинно-следственные связи исследуемой темы.

Территориальные рамки диссертации в основном охватывают территорию Северо-Западного Кавказа (современные Краснодарский край и Республика Адыгея).

Во второй трети XIX в. в указанном регионе существовали следующие административные образования Российской империи: Область Войска Черноморского (Черномория) и Правый фланг Кавказской линии.

С севера на юг Черноморское казачье войско заселило пространство от реки Ея до реки Кубань. Черноморская кордонная линия являлась рубежом контролируемых Россией территорий. Это была цепь укреплений и постов, расположенных по правому берегу Кубани от Черного моря до поста Изрядный источник.

Далее находились укрепления и станицы Кубанской линии, являвшейся частью правого фланга Кавказского линейного казачьего войска. Они простирались от Усть-Лабинской крепости на западе до станицы Баталпашинской на востоке. В 1841 г. была образована Новая (или Лабинская) линия. Пространство между Лабой и Кубанью заселялось линейными казаками.

В 1837 г. на восточном побережье Чёрного моря был заложен ряд укреплений. В 1839 г. они составили Черноморскую береговую линию, которая просуществовала до 1854 г. и была оставлена российскими войсками в период Крымской войны. На указанных территориях доминировало восточнославянское население.

В Закубанье (Левобережье Кубани) проживали многочисленные адыгские и абазинские этнотерриториальные группы (натухайцы, абадзехи, шапсуги, убыхи, джигеты, бжедуги, темиргоевцы, бесленеевцы и др.).

Мы допускаем, как исключение, возможность выхода за пределы указанных территориальных рамок для того, чтобы сравнить особенности локальных переселений на Северо-Западном Кавказе с другими частями региона и соседними странами.

Степень изученности темы. Отдельные аспекты темы диссертационного исследования освещались в работах отечественных и зарубежных историков. При этом мы не ставили перед собой цель создания историографического труда, что может обусловить некоторые пробелы в нашем обзоре привлечённого массива научной литературы. Вместе с тем, задействованные работы позволяют обосновать авторское представление о сути явления, которое мы относим к понятию «локальные переселения».

Над темой перебежчиков в той или иной степени работали представители дореволюционной исторической науки. Весомый вклад в исследование проблемы беглецов на Северо-Западном Кавказе внёс Ф.А. Щербина. Во втором томе «Истории Кубанского казачьего войска» он выделил главу для освещения деятельности российских перебежчиков¹. С другой стороны, исследователь уделил внимание переходам на контролируемые Россией территории горцев Закубанья². Историк Тенгинского полка Д.А. Ракович достаточно подробно охарактеризовал мотивацию российских солдат к побегам в Закубанье³.

В советский период тема российских перебежчиков среди горцев Северного Кавказа не была популярна. Зачастую отдельные эпизоды пребывания дезертиров в горах объяснялись «безграничным чувством классовой ненависти, а также, ещё более безгранично высоким чувством классовой солидарности»⁴. Тем не менее некоторые советские исследователи в той или иной степени изучали проблему перебежчиков. Историк и этнограф М.О. Косвен обратил внимание на дело беглого сотника С. Атарщикова, которое назвал «примечательным эпизодом из истории русско-горских отношений далёкого прошлого»⁵. К 90-м гг. XX в. жёсткие идеологические установки значительно ослабли. В обобщающем труде по истории народов Северного Кавказа, вышедшем в конце 1980-х гг., достаточно взвешенно описывался пример нахождения беглых солдат российской армии в имамате Шамиля⁶.

Советская историческая наука уделяла значительное внимание социально-экономическим процессам в горских обществах Северо-Западного Кавказа, анализировался рост имущественного и социального расслоения, недовольство горских низов своим положением и др. Часто эти факторы побуждали горцев бежать в российские пределы⁷.

---

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 2007. Т. II. С. 957.

² Там же. С. 719.

³ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. Тифлис, 1900. С. 35.

⁴ Кокиев Г. Осетины во II половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера. Орджоникидзе, 1940. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1780-1800/Steder/pred2.htm> (дата обращения: 12.06.2021).

⁵ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М., 1961. С. 254–256.

⁶ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 154.

⁷ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 183; Керашев А.Т. Беглые адыги в России

Для постсоветской (современной) историографии по тематике локальных переселений характерно многообразие трактовок. Ряд историков характеризует горцев, служивших в российской армии, как предателей¹. С другой стороны, Е.В. Брацун утверждает, что в годы «Кавказской войны» некоторые представители горских народностей Северо-Западного Кавказа воевали на стороне России. По его мнению, это доказывает, что не все горцы в рассматриваемый период видели в лице России своего врага². Многие из них получали образование в разных городах Российской империи³.

В современной исторической науке существуют неоднозначные оценки, касающиеся причин бегства российских солдат к горцам Северного Кавказа. Коллектив авторов одной из обширных монографий о «Кавказской войне» полагает, что русские солдаты и поляки добровольно переходили к Шамилю из-за отрицательного отношения к завоевательной политике царского правительства и хотели влиться в ряды действительно свободных горцев⁴.

С другой стороны, исследователи стали обращать внимание на иные мотивы побегов нижних чинов. Они были более прозаичными, мало связанными с политикой и высокодуховными идеалами. Например, Ю.Ю. Клычников осветил переход в горы преступников из казачьей среды⁵. Т.Г. Письменная подняла проблему бегства в горы староверов⁶. С.Л. Дударев описал бытовые причины локальных переселений⁷. Д.С. Дударев высказал идею о том, что российские перебежчики объективно выполняли роль коммуникаторов, через которых шёл процесс установления связей между горцами и Россией⁸.

в XVIII – начале 60-х годов XIX века // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп, 1991. Вып. VIII. С. 244.

¹ Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К., Алешин Н.Е., Кушу А.А., Шеуджен Б.Е. Земля адыгов. Майкоп, 2004. С. 154.

² Брацун Е.В. Горцы Северо-Западного Кавказа на воинской службе России (конец XVIII – XIX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2014. С. 19; Урушадзе А.Т. Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801–1864 гг.): посредник, маргинал, предатель // Журнал фронтальных исследований. Астрахань, 2020 Т. 5 № 4 (20). С. 127-151.

³ Перетятко А.Ю., Трапш Н.А., Шафранова О.И. Аварская лингвистика в Новочеркасской гимназии 1850-1860-х гг.: опыт инкорпорации кавказских горцев в имперское культурное пространство // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021 Т. 12 № 10 (108).

⁴ Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. / рук. А.И. Османов. Махачкала, 2006. С. 432.

⁵ Клычников Ю.Ю. Казаки-перебежчики в годы «Кавказской войны»: исторические сюжеты // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы девятой междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конф. Армавир, 2014. С.73–76.

⁶ Письменная Т.Г. О бегстве староверов на территории северокавказских горцев в первой половине XIX в. // Вопросы южнороссийской истории. М.; Армавир, 2010. Вып. 16. С. 49–51.

⁷ Дударев С.Л. Похождения крестьянки Анны Солоповой (любовная интрижка, завершившаяся пленом у горцев) // Кант. Ставрополь, 2016. № 4 (21). С. 14–18.

⁸ Дударев Д.С. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2016. С. 153.

Современные исследователи и публицисты в своих работах поднимают тему бегства российских солдат и других подданных в Персию¹, Турцию² и в имамат Шамиля в первой половине XIX в.³ Сравнение примеров дезертирства в разных приграничных районах империи помогает полнее понять особенности локальных переселений в указанных нами выше территориальных рамках.

В последнее время историки всё чаще стали писать о роли армии⁴ и российских перебежчиках на Северном Кавказе. Достаточно глубоко эту тему в своей монографии раскрыл В.В. Лапин⁵. Также историк описал особенности службы представителей народов Северного Кавказа в российской армии. Пристальное внимание исследователей вызывают случаи дезертирства польских военнослужащих, масштабы которого нередко преувеличиваются⁶. В.В. Лапин высказал интересную точку зрения по поводу проблемы оценки численности перебежчиков на Северном Кавказе: «Общее число перебежчиков определить невозможно, поскольку многие из них оказывались в числе таковых не по своей воле, а по вине обстоятельств. Принимая во внимание то, что дезертирство ложилось пятном на всю часть и на её командира, многие по документам проходили как пропавшие без вести, пленные, убитые и умершие от болезней»⁷. Мы согласны с этим мнением. Численность перебежчиков невозможно определить ещё и потому, что среди горцев Северо-Западного Кавказа не существовало государственного бюрократического аппарата. Тем не менее в данном исследовании приведены данные, которые могут помочь составить примерное представление о масштабах этого явления⁸.

Следует отметить, что проблема российских перебежчиков разрабатывается применительно к народам Северо-Восточного Кавказа. В работах Н.Н. Великой и Е.М. Белецкой выявлены 4 группы казаков-перебежчиков⁹.

---

¹ Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.). URL: <http://static.bsu.az/w8/Tarix%20ve%20onun%20problem/2013%20%20%201/seh.45-58.pdf> (дата обращения: 09.07.2021).

² Космарский А., Зоря А. Нужен им берег турецкий. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/21/subjects/> (дата обращения: 09.07.2021).

³ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С. 286.

⁴ Абазов А.Х. Кавказская армия в конце 1850-х гг.: особенности управления в контексте унификации административных институтов // *Bylye Gody*. Washington, 2020. Vol. 58. Issue 4. P. 2546–2553.

⁵ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. С. 254.

⁶ Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 216, 143; Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев. Пятигорск, 2019. С. 23.

⁷ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. С. 248.

⁸ Ракович Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. Тифлис, 1900. С. 169; Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау (Воспоминания и документы). Нальчик, 1999. С. 479; Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 2007. Т. II. С. 533–534.

⁹ Великая Н.Н., Белецкая Е.М. Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). Армавир, 2014. С. 75–90; Великая Н.Н. О казаках, добровольно ушедших к горцам в первой половине XIX века // *Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных от-*

Предполагается, что имели место 7 основных причин нахождения россиян (армейцев и казаков) в среде горцев Северо-Восточного Кавказа¹. Предложенная классификация вполне может быть применена и к Северо-Западному Кавказу.

Тема перебежчиков на Северном Кавказе в первой половине XIX в. вызывает интерес зарубежных исследователей. Учёный из США М. Ходарковский показал перипетии судьбы Семёна Атарщикова. По мнению исследователя, жизнь этого казака – частный пример пути одного из посредников, которые разными способами пытались «преодолеть пропасть между своими родными землями и имперской Россией»². Анализируя данную монографию, С.Л. Дударев заметил, что в ней прослеживается демонизация действий России на Северном Кавказе. Он призвал учитывать и уважать те титанические усилия – не только военные, но, прежде всего, мирные, – которые были затрачены на обустройство данного региона и приобщение его народов к прогрессу в тех рамках, которые исторически возможны с учетом особенностей российской цивилизации³. По нашему мнению, работа М. Ходарковского интересна тем, что автор пытается проследить историю вхождения Северного Кавказа в состав России через судьбу отдельного человека. Однако эта книга носит научно-популярный характер, а многие тезисы автора не подкреплены источниками.

Для нашего исследования важно понимание сущности миграции. Разобраться в этом вопросе помогла монография С.К. Бондыревой и Д.В. Колесова. По мнению авторов, миграция – это пространственная активность (перемещение) индивида, связанная с переменой места жительства⁴. Главным мотивом человека, решившегося поменять дом, является поиск благополучной жизни. О.В. Матвеев, В.Н. Ракачёв и Д.Н. Ракачёв считают, что миграционные перемещения имеют двойной эффект и вносят изменения в жизнедеятельность принимающего и отпускающего обществ. В итоге миграции приводят к изменению численности населения и его возрастной структуры, что может вызвать смену режима воспроизводства населения, изменения в составе населения по образовательному уровню, социальному статусу, сферам деятельности и т.д., так как качественные характеристики мигрантов отличаются от характеристик постоянного населения в местах выхода и вселения⁵.

Таким образом, в настоящее время накоплен значительный пласт литературы, в той или иной степени касающейся темы перебежчиков на Северо-

---

ношений: сб. науч. тр. I Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 10-14 окт. 2014 г.). Славянск-на-Кубани, 2014. С. 16–20.

¹ Великая Н.Н. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. М., 2015. Т. 9. С. 90–101.

² Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016. С. 203.

³ Дударев С.Л. Об одном примере западного взгляда на историю интеграции Северного Кавказа в состав России / отв. ред. Ю.Ю. Клычников. // Известия научно-педагогической кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Ставрополь, 2016. Вып. 5. С. 30.

⁴ Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). М.; Воронеж, 2004. С. 39.

⁵ Матвеев О.В., Ракачёв В.Н., Ракачёв Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 13–14.

Западном Кавказе в 1830–1860-е гг. Тем не менее тема перехода на службу России горцев и проблема пребывания российских подданных на неконтролируемых империей территориях Северо-Западного Кавказа нуждается в дальнейшем изучении с использованием ранее неизвестных архивных материалов. По своей значимости она заслуживает отдельной монографической разработки.

Цель работы: раскрыть проблему локальных переселений на Северо-Западном Кавказе в 1830–1860-е гг.

В соответствии с целью сформулированы следующие **задачи**:

– выяснить факторы незаконного перемещения населения в Российской империи в 1830–1860-е гг.;

– охарактеризовать мотивы и обстоятельства появления среди горцев Северо-Западного Кавказа военнотружущих регулярных частей российской армии;

– установить причины переходов представителей казачьего населения к горцам Закубанья;

– определить положение российских дезертиров среди адыгов;

– охарактеризовать меры российского правительства по отношению к военнотружущим, бежавшим в горы Северо-Западного Кавказа;

– выявить особенности социально-экономической и политической ситуации в Закубанье, раскрыть стимулы переселения в Россию представителей адыгской знати;

– установить мотивы перехода на российскую сторону представителей зависимых категорий адыгского общества;

– определить особенности переселения на контролируемые Россией территории жителей Северо-Западного Кавказа не адыгского происхождения (на примере армян);

– охарактеризовать меры российского правительства и местных органов власти в отношении горцев, переселявшихся в российские пределы.

Теоретико-методологическая основа исследования. Данная работа выполнена на основе принципов историзма и системности. Историзм предполагает такой подход к пониманию истории, при котором рассмотрение любого явления или периода ведётся в конкретных исторических условиях. Системный подход позволяет показать взгляды разных слоев российского социума на развитие региона и интеграционные процессы как систему и выявить совокупность её элементов.

В процессе решения поставленных задач нами применялась концепция российскости, разрабатываемая школой В.Б. Виноградова. Российскость может быть охарактеризована как «особая социокультурная, ментальная и т.п. сфера, внутри которой происходит взаимодействие, взаимовоздействие и синтез различных этнокультурных элементов при интегрирующей роли русской государственной и цивилизационно-культурной составляющей»¹. Российскость пони-

---

¹ Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических материалов / под ред. С.Л. Дударева.

мается как историческое партнёрство, которое давало каждой из сторон определённые преимущества¹. Переселенцы и перебежчики становились невольными коммуникаторами между Россией и горцами Северо-Западного Кавказа. Они постепенно сближали два общества, способствовали их взаимодействию. Например, российские дезертиры в горах становились переводчиками, несли в горы свои представления о жизни, элементы материальной и духовной культуры. Схожей была и роль горских переселенцев.

При работе над диссертационным исследованием мы использовали работы американских исследователей. Ф.Дж. Тёрнер ввёл в научный оборот термин «фронтир» (от frontier – граница, рубеж). Он обозначал приграничную полосу во внутренних районах североамериканского континента, которая на протяжении всей истории страны вплоть до конца XIX в. осваивалась белыми поселенцами и постепенно перемещалась в ходе территориальной экспансии на Запад². Т.М. Баррет раскрыл идею северокавказского «фронттира» России. Автор доказывает, что российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание. Постепенно возникала пограничная зона, которая включала в себя внутреннюю и внешнюю миграцию населения, оседание на новых местах³.

В работе мы опирались на понятие миграции, которое по определению Л.Л. Рыбаковского имеет множество различных трактовок⁴. Например, В.И. Перевединцев называет миграцией населения «совокупность таких перемещений людей, которые неразрывно связаны со сменой ими места жительства»⁵. Он полагал, что миграция – это переселение в самом широком смысле слова; мигрант и переселенец – синонимы⁶. Л.Л. Рыбаковский предлагает называть миграцией любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населёнными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности⁷.

О.В. Матвеев, В.Н. Ракачёв и Д.Н. Ракачёв придерживаются понятия «миграция» в его наиболее широко употребляемом значении – «перемещение лю-

---

Армавир; Ставрополь, 2013. С. 30; Виноградов В.Б., Люфт Е.Г., Чарыкова Ю.Е. Эскизы принципов и практики кавказской «российскости». Москва; Армавир, 2009. С. 3–8.

¹ Клычников Ю.Ю. О перспективах дефиниции «российскость» // Вопросы южнороссийской истории. Армавир, 2011. Вып. 17. С. 125.

² Тёрнер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. С. 6–7.

³ Барретт Т.М. Линия неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Имперский период. Самара, 2000. С. 163–195.

⁴ Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь, 2001. С. 8.

⁵ Там же. С. 9–10.

⁶ Матвеев О.В., Ракачёв В.Н., Ракачёв Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 12.

⁷ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987. С. 26.

дей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменной места жительства навсегда или на более или менее длительное время»¹.

Таким образом, существует большое количество различных определений понятия миграции. Одни исследователи предлагают под ними понимать любое территориальное перемещение людей, другие считают, что миграция должна быть связана со сменой места жительства. В данном исследовании мы придерживаемся определения миграции, данное В.И. Перевединцевым.

Существуют различные классификации и типологии миграционного движения, иногда значительно различающиеся по форме и своим составляющим. По формам миграции можно подразделить на организованные (планируемые) и неорганизованные (стихийные). Организованная миграция осуществляется с помощью государства или различных общественных структур. Большое значение имеет классификация миграции по причинам, среди которых экономические и социальные обычно доминируют. Немалую роль играют также политические, национальные, религиозные, военные и экологические. Первые обычно носят добровольный, а вторые – вынужденный характер².

Современные учёные выделяют два основных подхода в своих исследованиях: микроуровень (перемещения отдельных индивидов и семей) и макроуровень (большие группы людей). Социолог Т. Фейст³ предложил средний уровень изучения миграционных процессов. Он связан с изучением отдельных личностей и групп людей в контексте социальных взаимодействий⁴. В данной работе мы использовали микроуровень и средний уровень.

Теории миграций активно разрабатывались американскими и западноевропейскими экономистами и социологами. Британский исследователь Э. Равенстейн выдвинул тезис о том, что большая часть переселений людей осуществляется на короткие расстояния. Микроэкономическая концепция личного решения предполагает, что люди отваживаются на переселение в случае, если они предполагают получить больше выгод на новом месте. Сторонники теории «толчка-притяжения» полагают, что мотивацией индивидуального решения о смене места жительства может стать целая комбинация стимулов толчка и причин притяжения на другие территории. К первым можно отнести трудное материальное положение, угрозу здоровью и имуществу. Широкие торгово-экономические свободы, возможности повышения личного социального статуса

---

¹ Матвеев О.В., Ракачёв В.Н., Ракачёв Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 13.

² Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь, 2001. С. 13.

³ Migration Theory. Talking Across Disciplines / ed. by C.V. Brettell and J.F. Hollifield. N.Y. and London, 2000. P. 9.

⁴ Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011. С. 14.

и имущественного положения могут выступать в качестве факторов притяжения¹.

В диссертации использовались традиционные специально-исторические методы. Историко-сравнительный (компаративистский) метод позволил сопоставить объекты во временной (выявить динамику государственной политики в отношении к перебежчикам в разные хронологические отрезки) и пространственной плоскости (например, сравнить ситуацию на Северо-Восточном и на Северо-Западном Кавказе).

С помощью историко-типологического метода выявлялись общие черты, признаки перебежчиков. Мы классифицировали группы россиян, бежавших к горцам (нижние чины регулярных частей, казаки) по принципу мотивации к побегу, особенностям пребывания среди горцев и отношению к ним российских властей. Группы горских перебежчиков подразделяются нами по этносоциальному принципу.

Понятийно-терминологический аппарат данной работы разработан на основе представленной выше методологической основы. Он помогает раскрыть суть процессов, которые анализируются в диссертации. По нашему мнению, *локальные переселения* – это перемещения людей, связанные, как правило, со сменой места жительства в рамках определённого места, территории. Также под переселением нами подразумевается легальная или осуществляемая в рамках обычая смена места жительства с точки зрения российских властей и горцев Северо-Западного Кавказа. К переселенцам мы относим черкесских армян, которые переходили на правый берег Кубани под покровительство местных властей.

Беглецами или *перебежчиками* являются незаконные переселенцы с точки зрения законов России. К ним относятся подданные империи, перешедшие на левый берег Кубани или в Закубанье. Данная территория в 1830–1860-е гг. была неподконтрольна российской администрации. Также к беглецам мы причисляем представителей зависимых категорий адыгского общества, которые вопреки обычаям уходили от своих владельцев под защиту России. При этом важно подчеркнуть, что далеко не всегда таких людей воспринимали как предателей. Имели место случаи возвращения перебежчиков на прежнее место жительства. В этом мы видим характерную черту «пограничной зоны», которая существовала в то время на Северо-Западном Кавказе.

Одной из категорий беглецов являлись *дезертиры* – военнотружущие, которые самовольно оставляли места службы с целью прекращения своих обязанностей

Важным понятием нашего исследования является *интеграция*. Мы согласны с утверждением о том, что это «объединение в целое каких-нибудь частей

---

¹ Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48, No. 2. P. 167–235.

или элементов в процессе развития»¹. Во второй трети XIX века российское государство и общество с одной стороны и горские народности Закубанья с другой, стали частями интеграционного процесса, который сопровождался энергичным *социальным взаимодействием*. Мы поддерживаем определение данного явления, данное Д.Н. Ракачёвым, который понимает под социальным взаимодействием «совокупность обусловленных социумом интеракций формирующих в нём социальные изменения. Процессы взаимодействия включает в себя взаимовлияния и трансляции, результатами которых являются трансформация социально-политических структур и механизмов контроля в обществе, культуры и социальных стереотипов»².

Источниковой базой диссертации является совокупность привлеченных источников (как опубликованных, так и неопубликованных). Она представлена в работе следующими видами:

К числу *законодательных* относятся нормативные акты, опубликованные во 2-м Своде Полного собрания законов Российской империи (далее – ПСЗРИ-2). Они касаются мер государства, направленных на предотвращение дезертирства (наказания для самих беглых, их укрывателей и т.п.)³. Аналогичные материалы публиковались в Своде законов Российской империи (далее СЗРИ). В частности, «Уложение о паспортах и беглых» включает договоры с иностранными державами о взаимной выдаче перебежчиков⁴. Непосредственно беглые военнослужащие были под юрисдикцией Военно-уголовного устава, который содержался в V части 1 книги Свода военных постановлений (далее СВП)⁵. С другой стороны, законодательство регламентировало порядок переселения на подконтрольные военной администрации территории выходцев из Закубанья. Российские власти издали целый ряд постановлений, касающихся особенностей приёма и водворения переселенцев⁶. Помимо этого, в ПСЗРИ-2 содержится большое количество законодательных актов, регламентирующих военную службу выходцев из Северного Кавказа в российской армии⁷.

Делопроизводственная документация сосредоточена в различных архивах. Ценные для нашего исследования документы находятся в Российском государственном военно-историческом архиве (далее РГВИА), а именно в фонде 38 «Департамент Генерального штаба»⁸. Также применялись материалы фонда

---

¹ Тумаков Н.С. Понятие и сущность интеграции: гетерогенные представления // Проблемы современной экономики. Сб. материалов 4-й междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. Часть 1. С. 40.

² Ракачёв Д.Н. Местное и пришлое население на Северо-Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006. С. 11.

³ ПСЗРИ-2. Т. XX. № 19283. § 559; ПСЗРИ-2. Т. XVII. № 16214; ПСЗРИ-2. Т. XVIII. № 16785; ПСЗРИ-2. Т. X. № 8439; ПСЗРИ-2. Т. XIII. № 11673.

⁴ СЗРИ. Т. XIV. 1857; СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 663-684; СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 685; СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 687.

⁵ СВП. Ч. V. Кн. I. 1859. Ст. 245; Кн. II. Ст. 569.

⁶ ПСЗРИ-2. Т. IX. № 7080; ПСЗРИ-2. Т. XV. № 14053; ПСЗРИ-2. Т. XVII. № 15649.

⁷ ПСЗРИ-2. Т. XXV. № 24184; ПСЗРИ-2. Т. XXVII. № 26281; ПСЗРИ-2. Т. XXX. № 29272.

⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 93. 2 л.

13454, опись 5 «Штаб войск на Кавказской линии и в Черномории расположенных»¹ и фонда 14254 опись 2 «Военно-судное отделение штаба войск Кавказской линии и Черномории»². В данных фондах собраны приказы по Отдельному Кавказскому корпусу и иные дела, касающиеся действий перебежчиков. При написании диссертации использовались фонды Государственного архива Краснодарского края (далее – ГАКК), где имеются сведения о локальных переселениях на Северо-Западном Кавказе³. В Государственном архиве Ставропольского края (далее – ГАСК)⁴ находится немалое количество материалов по данной тематике. В этих фондах содержатся как дела о нижних чинах российской армии и других подданных империи, переселившихся в Закубанье, так и делопроизводственная документация, касающаяся перехода горцев под российское покровительство.

Опубликованные нормативные акты и делопроизводственная документация по теме локальных переселений на Кавказе содержатся в Актах Кавказской археографической комиссии⁵. В сборниках документальных материалов «Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов», «Документы по истории адыгов 20–50-х гг. XIX в. (по материалам ЦГА КБР)», «Материалы по истории западных черкесов» имеется информация о военно-политических событиях на Северо-Западном Кавказе в 1830–1860-е гг.⁶ Ценным источником по теме горских перебежчиков является фундаментальный сборник документов «Черкесские невольничьи повествования». В нём содержатся материалы допросов пленников и представителей несвободных слоёв адыгского общества⁷.

Источники личного происхождения. Воспоминания российских военных являются важным историческим источником при написании данной работы, т.к. в мемуарах мы находим описание психологических портретов перебежчиков. Ценная информация содержится в воспоминаниях непосредственных участников тех событий: казачьего офицера Аполлона Шпаковского⁸, поручика Н.В. Симановского⁹, генералов Г.И. Филипсона, М.Я. Ольшевского¹. Интерес-

---

¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 1303. 5 л.

² РГВИА. Ф. 14257. Оп. 2. Д. 57. 40 л.

³ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 21. 17 л.

⁴ ГАСК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 572.

⁵ Акты Кавказской археографической комиссии (далее – АКАК). Тифлис, 1883. Т. IX. С. 454, 250–252, 524, 834.

⁶ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (Сборник документ. материалов) / сост.: М.М. Габричидзе; под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953. С. 454; Документы по истории адыгов 20–50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / сост. З.М. Кешева. Нальчик, 2011. С. 155; Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793–1914 гг.) / сост. А.В. Сивер. Нальчик, 2012. С. 23.

⁷ Черкасов А.А. Черкесские невольничьи повествования // Былые годы. Вашингтон, 2020. № 57–1 (3–1). С. 1415–2266.

⁸ Шпаковский А. Записки старого казака. URL: https://fb2gratis.com/gratis_rd_382969_p1 (дата обращения: 09.10.2020).

⁹ Дневник поручика Н.В. Симановского // Гордин Я.Л. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. С. 391. Приложение.

ные наблюдения о беглых солдатах и казаках оставили оказавшиеся в плену у горцев российские подданные (Ф.Ф. Торнау, В. Савинов, Е. Новикова-Зарина)².

Важными источниками для написания работы стали дневники, путевые заметки иностранцев, побывавших на Северо-Западном Кавказе в 1830–1860 гг. Зачастую это были политические агенты иностранных держав, деятельность которых была направлена на ослабление российских позиций в регионе (Эдмонд Спенсер, Джеймс Белл, Джон Лонгворт)³. Европейцы, оставившие письменные свидетельства, бывали в регионе и в качестве путешественников⁴. Северо-Западный Кавказ в 1830–1860 гг. притягивал из-за границы участников польского восстания 1830–1831 гг. Здесь они пытались организовать вооружённую борьбу горцев против России (Т. Лапинский, А. Фонвиль)⁵.

В *художественной литературе* этого периода показаны интересные эпизоды, необходимые для понимания общей картины появления перебежчиков и переселенцев на Северо-Западном Кавказе. Представитель адыгской аристократии на российской службе Султан Хан-Гирей оставил биографический очерк «Бесльный Абат»⁶, посвящённый перипетиям судьбы известного адыгского политического деятеля Бесленея Аббата, который перешёл на российскую сторону. Михаил Юрьевич Лермонтов в поэме «Измаил-бей» показал судьбу главного героя, который покинул российскую службу и ушёл в горы.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Применительно к периоду 1830–1860-х гг. на Северо-Западном Кавказе в контексте «Кавказской войны» введено в научный оборот понятие «локальные переселения». Под ними понимаются перемещения людей, связанные, как правило, со сменой места жительства в рамках определённого места, территории. После 1829 г. с точки зрения действовавшего тогда международного права всё пространство региона входило в состав Российской империи. При этом фактически существовали контролируемые и неконтролируемые властями земли. Исследуемые нами локальные переселения осуществлялись в рамках одного региона, но между подконтрольными и неподконтрольными территориями. Пере-

---

¹ Филиппсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 76–197; Ольшевский М.Я. Записки. 1844 и другие годы // Там же. С. 261–399.

² Савинов В. Три месяца в плену у горцев. Кавказский офицер. Плен у шапсугов // В плену у горцев. Нальчик, 2011. Вып. 2. С. 20. Шипов Н. История моей жизни. 1845 год; Новикова-Зарина Е. Одиннадцать месяцев в плену у черкесов // В плену у горцев. Нальчик, 2011. Вып. 5. С. 31–91; Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау (Воспоминания и документы). Нальчик, 1999. С. 103–105.

³ Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. Нальчик, 2007. Т. I; Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. Нальчик, 2007. Т. II; Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994; Лонгворт Д. Год среди черкесов. Нальчик, 2002.

⁴ Монпере Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002.

⁵ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995; Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864 гг. Нальчик, 2010.

⁶ Хан-Гирей. Бесльный Абат. Сборник газеты «Кавказ» за II полугодие 1847 г. Тифлис, 1848. С. 120–206.

селенцы и перебежчики являлись носителями культурного опыта, который влиял на социум, в котором они оказывались. В целом, тема локальных переселений позволяет иначе взглянуть на проблему «Кавказской войны». Даже в условиях военных действий население Северо-Западного Кавказа имело возможность не только переселиться на противоположную сторону, но и вернуться обратно.

2. Впервые проведён анализ и сравнение причин побегов к горцам Северо-Западного Кавказа военнослужащих регулярных и иррегулярных частей российской армии. Нижние чины российской армии бежали преимущественно из-за тяжёлых условий службы и злоупотреблений начальства. Важным фактором, влиявшим на бегство солдат в горы, являлось комплектование подразделений ненадёжными и ссыльными новобранцами. Казаки переходили в Закубанье, спасаясь от наказания за совершённые ими преступления. Также в горах они могли реализовать свои представления о старинной казачьей вольнице, т.к. государство постепенно сужало автономию казачества.

3. Выявлены особенности социального положения беглых солдат и казаков среди горцев. Определено, что нижние чины российской армии чаще всего становились в горах рабами. Их могли продать в Османскую империю либо принудить выполнять тяжёлую работу в доме хозяина. Спустя некоторое время невольник имел возможность обзавестись семьёй и личным хозяйством. Отдельные солдаты принимали активное участие в боевых действиях против российских войск. Многие беглые казаки оставались свободными. Это объясняется их тесными межличностными контактами с горцами.

4. Определено отношение российских властей к проблеме дезертиров-перебежчиков на Кавказе. Вариативность данного явления, при всей, на первый взгляд, обыденности, нуждается в пояснении, т.к. показывает специфику процессов интеграции региона в состав империи, социокультурную и политическую неопределённость, характерную для ситуации фронта. Установлено, что российские власти неодинаково относились к дезертирам. Нижние чины, заподозренные в участии в боевых действиях против российских войск, подвергались суровому наказанию. С другой стороны, власти лояльно относились к тем беглецам, которые мирно жили в горах. Для таких солдат и казаков создавались благоприятные условия для возвращения на родину.

5. Раскрыты причины бегства в горы казачек. Там они пытались скрыться в случае, если были опозорены. Общественное осуждение со стороны станичного общества являлось определяющей причиной побегов женщин.

6. Впервые в одном исследовании показаны и проанализированы причины и обстоятельства локальных переселений российских подданных на неконтролируемые территории левобережья Кубани и наоборот – миграции горского населения на подконтрольные России земли.

7. Показан процесс бегства из Закубанья в Россию представителей зависимых сословий. На основе введённых нами в научный оборот документов раскрыт набор мотивов, которые побуждали горских общинников переселяться под российское покровительство. В ходе исследования нами выявлена особая

категория горских перебежчиков. Это были рабы, выбегавшие в российские укрепления, ранее являвшиеся жителями мирных горских аулов и захваченные в плен в результате набегов непокорных горцев.

8. Охарактеризованы особенности переселения в Россию представителей не адыгского населения. Речь идёт преимущественно о горских армянах – черкесо-гаях, которые добровольно и организованно переходили на подконтрольные имперским властям территории. На основе введённых в научный оборот документов показана специфика взаимодействия горских армян и российских властей. При разработке темы введён в научный оборот целый ряд ранее неизвестных архивных материалов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Термин «Кавказская война» взят нами в кавычки т.к. мы считаем, что он не в полной мере отражает суть происходивших событий. Сложно определить территориальные и хронологические границы «Кавказской войны». С юридической точки зрения война имеет ряд признаков: формальный акт объявления, разрыв дипломатических отношений, аннулирование двусторонних договоров, введение специального правового режима¹. События, развернувшиеся на территории Северо-Западного Кавказа в 1830–1860-е гг., не вполне соответствовали указанным признакам. Не вписываются в рамки этого термина имевшие место экономические, социальные и культурные связи. Одним из их проявлений стали локальные переселения – это перемещения людей, связанные, как правило, со сменой места жительства в рамках определённого места, территории. В 1830–1860-е гг. российские подданные и горцы Закубанья перемещались в пределах территориальных рамок данного исследования. Переселения на противоположную сторону и обратно могли совершаться несколько раз.

2. Дезертиры из регулярных подразделений императорской армии в общей своей массе не являлись идейными борцами с царизмом. Побег солдат Отдельного Кавказского корпуса к горцам Северо-Западного Кавказа были связаны, прежде всего, с тяжёлыми условиями несения службы в регионе. Бегство казаков в Закубанье было вызвано стремлением укрыться от заслуженного наказания за совершённые ими преступления. Также казаки пытались вести в горах старый образ жизни, связанный с возможностью ходить в набеги, исповедовать старообрядчество, чему активно препятствовало государство.

3. Положение солдат и казаков среди горцев Северо-Западного Кавказа не было одинаковым. Беглых солдат преимущественно обращали в рабов. Их продавали в Турцию либо наделяли землёй и принуждали трудиться на нового хозяина. Некоторые солдаты принимали участие в столкновениях с российской армией на стороне горцев. Беглые казаки в горах были в основном свободными людьми, т.к. они находились под покровительством многочисленных знакомых и кунаков.

4. Помимо военных, к горцам бежали и представители гражданского населения. Это было связано с тем, что переселенческая политика российских вла-

---

¹ Толстых В.В. Нормативно-правовое закрепление понятия «война» в российском и международном праве // Academy. 2017. С. 62.

стей в Северо-Восточном Причерноморье давала сбои. Жители приезжали на новые территории, которые не были в достаточной мере обустроены. Власти не могли обеспечить в должной мере безопасность переселенцев от горских набегов. Более того, многие из новоприбывших являлись беглыми крепостными крестьянами. Помещики предпринимали активные меры для их возвращения. Всё это вынуждало людей уходить в горы. К горцам также бежали опороченные казачки.

5. Российские власти преследовали своих подданных за укрывательство дезертиров на подконтрольных правительству территориях. Материально поощрялась выдача беглецов. Законодательство в отношении перебежчиков было достаточно суровым. Такого рода преступникам грозило телесное наказание, а в случае рецидива виновного могли отправить в арестантские роты. В то же время создавались условия для добровольного возвращения дезертиров и членов их семей в российские пределы.

6. В конце XVIII в. в горских обществах Северо-Западного Кавказа начались глубокие социально-политические трансформации, которые привели к обострению противостояния старой аристократии и нарождающейся новой элиты. В 30-е гг. XIX в. эта борьба продолжилась. Терпевшие поражение в этой борьбе представители старой аристократии искали покровительства России, которая охотно давала им убежище и возможность службы в армии.

7. Усилившееся в первой половине XIX в. социальное противостояние в горских обществах привело к притеснениям социально незащищённых категорий общинников со стороны аристократии и старшин. Спасаясь от рабства и крепостной зависимости, они бежали под защиту российских укреплений. Местные власти активно принимали таких беглецов, оказывали помощь в их расселении и обустройстве. Многие адыги, перешедшие на российскую сторону, служили в различных воинских подразделениях.

8. На российскую территорию переселялись представители не адыгского населения Северо-Западного Кавказа. Переход горских армян под российское покровительство был согласован с российской администрацией и проводился под защитой российских войск. Это демонстрирует наличие устойчивой про-российской ориентации среди части населения региона, что обусловлено этническими и конфессиональными предпочтениями.

Соответствие диссертационного исследования научной специальности. Квалификационная работа выполнена в рамках специальности 5.6.1. – Отечественная история. Тематика диссертации соответствует направлениям исследований: 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; 3. Социально-экономическая политика Российского государства и её реализация на различных этапах развития; 8. Военная история России, развитие её Вооружённых сил на различных этапах развития; 10. Национальная политика Российского государства и её реализация. История национальных отношений; 17. Личность в российской истории, её персоналии. История российских элит.

Теоретическая значимость работы. Содержание исследования представляет возможность по-новому взглянуть на проблему перебежчиков и переселенцев на Северо-Западном Кавказе. Впервые в одной работе сравниваются причины добровольного перехода и социально-правовой статус россиян, бежавших в Закубанье, и горцев, переселившихся в Россию. На основе обширной источниковой базы продемонстрировано отношение правительства и местных властей к данным группам населения. На примерах локальных переселений показано, что в 30–60-е гг. XIX в. Северо-Западный Кавказ являлся местом столкновения, взаимодействия и взаимовоздействия двух разных социально-политических и культурных систем. Перебежчики невольно становились коммуникаторами между горцами Северо-Западного Кавказа и Россией.

Практическая значимость диссертации. Материалы исследования могут быть использованы при разработке различных курсов, факультативных занятий, осуществлении проектной деятельности в средних и высших учебных заведениях. Данная работа применима при составлении различных курсов по выбору по истории Северного Кавказа для бакалавриата и магистратуры.

Апробация работы. Основные положения работы изложены в выступлениях на научных и научно-практических конференциях различного уровня (международных и всероссийских): Всероссийской научной конференции «Качество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 г.)» (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.); VI Международном форуме историков-кавказоведов «Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России» (г. Ростов-на-Дону, 13–15 ноября 2019 г.); 23-м международном семинаре кавказоведческой школы В.Б. Виноградова «Северный Кавказ в историческом и археологическом измерениях» (г. Армавир, 2020 г.).

По теме диссертации опубликовано 20 статей, из них 5 – в ведущих научных рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России. Общий объем статей – 10,0 п.л.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет».

Структура работы. Диссертационное исследование включает в себя введение, две главы, включающие семь параграфов, заключение, список использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, степень изученности научной проблемы, указаны цель и задачи работы, теоретико-методологическая и источниковая база, охарактеризована её новизна, положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость, соответствие научной специальности, апробация, структура диссертации.

Первая глава «Российские перебежчики среди горцев Северо-Западного Кавказа в 1830–1860-е гг.» посвящена локальным переселениям российских подданных в горы и состоит из четырёх параграфов.

Первый параграф первой главы «Социально-политическая ситуация в Российской империи и причины незаконного перемещения населения» характеризует общую ситуацию в государстве и мотивы незаконной миграции. В первой половине XIX в. в Российской империи представителям широких слоёв населения сложно было поменять свою социальную принадлежность и место жительства. Права и обязанности каждого сословия строго регламентировались. Нелегальные перемещения в границах империи и тем более за рубеж преследовались законом. Российские власти заключали договоры о взаимной выдаче беглых с другими государствами, а также предпринимали меры для их возвращения.

Большую группу беглого населения составляли дезертиры, которые скрывались от службы как внутри империи, так и за её пределами. Согласно российскому законодательству первой половины XIX века («Уставу о паспортах и беглых»), дезертирами считались нижние воинские чины, отлучившиеся от своих команд и проживающие где-либо без дозволения и паспорта своего начальства. Власти строго наказывали подданных за укрывательство беглых солдат и казаков, поэтому они бежали на неконтролируемые Россией территории: в Персию, имамат Шамиля и горы Северо-Западного Кавказа.

Во втором параграфе первой главы «Обстоятельства появления и проживания российских подданных среди горцев Северо-Западного Кавказа из числа военнослужащих» анализируются причины бегства солдат к горцам Закубанья. Дезертирство стало проблемой из-за того, что Отдельный Кавказский корпус во многом формировался из людей, наиболее беспокойных и склонных к асоциальному поведению. Северо-Западный Кавказ стал местом ссылки политических преступников. Важной причиной побегов являлись тяжёлые условия службы и злоупотребления начальства.

Инфекционные болезни стали большим несчастьем для войск, расположенных на Северо-Западном Кавказе. Смертность от них была в разы выше боевых потерь. Результатом этого становилось чувство подавленности и отчаяния, толкавшее нижние чины российской армии на побег к горцам.

В третьем параграфе первой главы «Бегство казаков к горцам Закубанья» рассматриваются причины дезертирства казаков и бегства представителей гражданского населения к закубанцам. Прежде всего, казаки скрывались в горах из-за совершённых ими преступлений. В сложных условиях затяжного военного конфликта на Северо-Западном Кавказе на неподконтрольных российской администрации территориях складывались благоприятные условия для деятельности преступников – выходцев из казачьей среды.

В первой половине XIX в. старообрядчество всё ещё воспринималось как форма отклоняющегося поведения. В ответ многие староверы старались покинуть империю. На Кавказской линии были попытки перехода казаков-

раскольников на неподконтрольную властям территорию. Другой причиной побегов являлась привлекательность горского образа жизни.

Помимо мужчин, на неподконтрольные территории бежали и некоторые женщины. Казачки часто уходили к горцам по причине невозможности нахождения в прежнем сообществе из-за унижения чести и достоинства. Гражданское население из числа переселенцев из внутренних районов империи бежало на неподконтрольные территории из-за тяжёлых условий жизни и непоследовательной политики российских властей.

В четвёртом параграфе первой главы «Отношение адыгов и российских властей к перебежчикам» раскрываются особенности положения перебежчиков среди горцев и меры властей по отношению к ним. Подавляющее число беглых солдат было обращено в рабство.

Некоторые перебежчики являлись переводчиками у горцев и положительно отзывались о жизни среди них. Имели место случаи, когда дезертиры принимали непосредственное участие в боевых действиях против российских войск. Положение перебежчика в горах было непрочным: его могли обменять или выдать российским властям.

Положение казаков в горах было иным. Горцы и казаки в рассматриваемый период не только воевали друг с другом, но и имели тесные межличностные контакты. Благодаря наличию в горах кунаков и знакомых, казаки, как правило, не становились в горах рабами. Они подолгу могли жить среди адыгов на правах гостя. Оказавшись в горах, отдельные казаки занимались организацией набегов на российские территории. Другие метались, желая вернуться обратно и боясь сурового наказания.

Российское законодательство в отношении перебежчиков было достаточно суровым. Такого рода преступникам грозили телесные наказания, а в случае рецидива виновного могли отправить в арестантские роты. Тем не менее в указанный период власти создавали условия для добровольного возвращения дезертиров и членов их семей в российские пределы. Несмотря на суровое законодательство, определяющим для перебежчика было отношение местных властей.

Вторая глава «Переселение горцев на территорию, контролируемую российскими властями, в 1830–1860-е гг.» состоит из трёх параграфов и освещает переход различных категорий закубанского общества в Россию.

В первом параграфе второй главы «Социально-политическая ситуация в Закубанье и переход на российскую сторону представителей адыгской аристократии» анализируется общественная структура адыгского общества к началу XIX в. В этот период активизировались товарно-денежные отношения, которые стали причиной напряжённости и обострения внутриполитической борьбы между аристократией и разбогатевшими общинниками. Изменилась сущность набегов, которые постепенно переставали быть социальной привилегией и главным занятием князей и дворян. На первый план начала выходить экономическая выгода наездничества. Этот фактор повышал градус военной напряжённости в регионе. Развитие торговли (в том числе и рабами) обу-

словило борьбу дворян с разбогатевшей верхушкой тфокотлей. Дворянская «партия», вопреки ожиданиям России, часто терпела поражение, поэтому многие представители горской аристократии вынуждены были бежать под покровительство империи. Переход адыгов на правый берег Кубани начался задолго до изучаемого нами периода. Вопрос локальных переселений в регионе решался с участием Османской империи. После 1829 г. это явление стало исключительно внутригосударственным делом России.

Переселение дворянина Бесленя Аббата на подконтрольную России территорию стало заметным событием в политической жизни адыгов начала 1830-х гг. Постепенно на левом и правом берегах Кубани под российским покровительством поселились многочисленные дворянские семьи со своими аулами. Местная военная администрация делала ставку именно на них. Многие дворяне получали офицерские звания и награды. Детей знатных адыгов направляли в местные и столичные учебные заведения.

Во втором параграфе второй главы «Бегство в Россию представителей зависимых категорий адыгского общества» характеризуются причины и обстоятельства перехода на российскую сторону горцев из числа пшитлей и унаутов. Представители зависимых категорий горского населения бежали в Россию по целому ряду причин. Одной из них являлась усилившаяся феодальная эксплуатация и процессы закрепощения в Закубанье. Другой причиной являлся страх быть проданными в рабство в Османскую империю. В российских укреплениях укрывались т.н. мирные горцы, захваченные в плен так называемыми немирными горцами в результате набегов на аулы прикубанских владетелей. В Россию уходили адыги, уличённые в сборе и передаче сведений для царского командования. Также из-за Кубани выбегали люди, совершившие какое-либо преступление и желавшие укрыться от справедливого наказания за рвами укреплений и казачьими постами.

Российские власти всячески старались помочь горцам. Их расселяли в Гривенском ауле, татарском селении Ады, Новоджерелевском поселении и др. Новым переселенцам выдавалось денежное пособие. Многие из них поступали на военную службу, где у них была возможность за отличие в боях получить офицерский чин и повысить свой социальный статус.

В третьем параграфе второй главы «Переселение в российские пределы жителей Закубанья неадыгского происхождения (на примере армян)» показаны особенности переселения этой группы населения в Россию. Армяне, жившие в первой половине XIX века на территории Северо-Западного Кавказа, играли важную роль в налаживании контактов между Россией и Закубаньем. Купцы из их числа содействовали возвращению российских пленников из горской неволи, за что получали награды от правительства.

В первой половине XIX в. закубанские армяне постепенно начали переселяться в российские пределы. Местные власти создавали благоприятные условия для переселения армян на подконтрольные правительству территории, где ими создавались крупные поселения. Самым известным из них стал аул близ укрепления Прочный Окоп, позднее ставший называться Армавиром. Лояльная

политика в отношении переселенцев способствовала тому, что у некоторых горских армян формировались завышенные ожидания от перехода в российское подданство. Тем не менее выходцы из неподконтрольных России территорий Северо-Западного Кавказа находили под её защитой возможность мирно жить и безопасно заниматься торговлей.

В заключении подведены итоги диссертационного исследования, сделаны следующие выводы.

1. В 1830–1860-е гг. социально-экономическая ситуация в Российской империи была сложной. Возможности вертикальной и горизонтальной социальной мобильности были сильно ограничены. Крепостное право, различные государственные повинности вынуждали подданных бежать от своих общин и хозяев. Таких людей официально именовали беглыми. Власти активно боролись с незаконными переселениями. Издавались законы, запрещающие давать приют беглым, за их поимку назначалась денежная награда. Беглецов подвергали клеймлению и ссылке. Именно поэтому подданные стремились покинуть российские пределы. Правительство заключало с иностранными государствами договоры о взаимной выдаче беглых, выплачивало подданным других стран вознаграждение за привод беглецов. Без данного общероссийского контекста сложно понять мотивацию отдельных подданных империи, решавшихся на побег на неконтролируемые районы Северо-Западного Кавказа.

Одной из категорий беглого населения являлись дезертиры. Солдаты, незаконно покинувшие свои подразделения, после поимки подвергались строгому наказанию, в т.ч. телесному. Население было обязано выдавать беглых нижних чинов, поэтому дезертиры также стремились покинуть российские пределы. Они бежали в Персию, имамат Шамиля и горы Северо-Западного Кавказа.

2. Дезертирство солдат к горцам на Северо-Западном Кавказе имело как общероссийские, так и специфические региональные мотивы. Важной причиной, обуславливавшей бегство солдат к горцам, являлось комплектование Отдельного Кавказского корпуса ненадёжными новобранцами. Многих беглых, проштрафившихся и совершивших различные преступления людей, направляли на службу в Отдельный Кавказский корпус. В первой половине XIX в. Кавказ часто называли «Тёплой Сибирью».

Регион стал местом ссылки политических преступников. Сюда были отправлены многие декабристы и солдаты, принявшие участие в событиях 14 декабря 1825 г. и восстании Черниговского полка. На Кавказ ссылались участники восстания в Польше 1830–1831 гг. Наличие в войсках большого количества бывших преступников, штрафованных, ссыльных и в целом недовольных действиями властей людей подготавливало почву для побегов в горы. Усугубляли непростую ситуацию с дисциплиной тяжёлые условия службы и злоупотребления воинского начальства. Совокупность вышеуказанных факторов вызывала у военнослужащих стремление бежать к горцам, у которых они чаще всего становились рабами.

3. Причины побегов казаков во многом были обусловлены длительным проживанием рядом с адыгами. Казаки и горцы имели тесные межличностные

отношения, часто освящённые обычаями куначества. Большинство казаков-дезертиров являлись преступниками, которые хотели укрыться от законного наказания среди горцев. Многие из них были недовольны усилением государственного контроля в своей среде. Перебежчики хотели реализовать старинные казачьи представления о воле, в том числе и возможность ходить в набеги, чего государство не допускало. Наконец, отдельные казаки с детства воспринимали горские обычаи, традиции и мировоззрение. Они переходили в Закубанье, принимали ислам, женились на горянках – в общем, стремились укорениться в горской среде. Также имели место случаи бегства к горцам опозоренных казачек.

4. Положение беглых солдат, оказавшихся среди адыгов, было тяжёлым. Многих из них горцы продавали в Османскую империю как рабов. Если же перебежчик оставался, то он становился представителем зависимой категории населения. Дезертиров склоняли принять ислам и жениться на горянках. Многие перебежчики воспринимали язык, культуру, обычаи горских народов. Часто именно из них формировался корпус переводчиков для нужд горских обществ. Положение беглых солдат среди горцев не было прочным. Адыги могли обменять дезертира на попавшего в плен горца. Некоторые солдаты принимали активное участие в набегах и боях с российской армией. Они сыграли значительную роль во взятии укреплений Черноморской береговой линии в 1840 г.

Казаки, напротив, в горах являлись в большинстве свободными людьми. Они длительное время могли гостить у адыгов, участвовали в набегах горцев на российские территории. Отдельные представители принимали ислам, женились на горянках и стремились таким образом адаптироваться среди горцев.

5. Отношение российской военной администрации к разным категориям перебежчиков было неодинаковым. Оно зависело от действий самих дезертиров в горах. Казаков, совершивших тяжкие преступления, зачастую казнили. Выданных горцами беглецов предавали военному суду и отправляли во внутренние районы империи для отбывания наказания. Добровольно явившиеся солдаты подвергались различным наказаниям и возвращались в действующие части, либо отправлялись вглубь страны для дальнейшего прохождения службы. Российские власти объявляли амнистии, в рамках которых добровольно вернувшиеся в свои подразделения солдаты освобождались от наказания.

Отношение российских властей к казакам было более лояльным: они реже подвергались телесным наказаниям. Государство не хотело осложнять отношения с казачеством – главной силой российской колонизации на Северо-Западном Кавказе.

6. В 1829 г. был заключён Адрианопольский мирный договор между Османской империей и Россией. По условиям данного соглашения, территория Северо-Западного Кавказа передавалась последней. Проживавшие на данных землях адыги считали себя независимыми. Ситуация осложнялась тем, что в Закубанье шли процессы социального и имущественного расслоения. Обострилось политическое противостояние между старой аристократией и разбогатевшими общинниками. В этот период активизировались процессы закрепощения тфокотлей. Результатом данных противоречий было переселение представите-

лей отдельных категорий адыгского общества (дворяне, зависимые общинники) под защиту России, так как они хотели сохранить привилегии или свободу.

С гор Северо-Западного Кавказа на подконтрольную российским властям равнину в 1830–1860-е гг. переселялись различные группы горского населения. Одной из них были адыгские дворяне. Они начали переходить в Россию ещё в конце XVIII в., когда левобережье Кубани находилось под номинальной властью Османской империи. Причиной миграций являлась политическая борьба между старым дворянством и выдвинувшейся из среды тфокотлей старшинской верхушкой.

После 1829 г. локальные переселения на Северо-Западном Кавказе стали для России вопросом внутригосударственного уровня. Тем не менее каждая из доминирующих групп адыгского общества продолжала искать внешней поддержки. Значительным событием в политической жизни Закубанья начала 1830-х гг. стал уход дворянина Бесленея Аббата на российскую территорию. Из-за сотрудничества с российскими властями шапсугские общинники стали считать представителей семейства Аббатов изменниками. Несмотря на это, адыгские дворяне поддержали Бесленея и его брата Убыха силой. После этого они переселились на российскую территорию. В первой половине XIX в. на берегах Кубани под российским покровительством проживали и другие дворянские семьи со своими аулами.

7. В 30–40-х гг. XIX в. представители низших социальных слоёв горских обществ бежали в Россию по целому ряду причин. Побудительным мотивом перехода представителей «чёрного народа» на сторону России была усилившаяся феодальная эксплуатация и процессы закрепощения в Закубанье. Разбогатевшие тфокотли и представители старой знати были едины в желании подчинить себе своих единоплеменников. Прежде всего, это касалось социально незащищённых слоёв населения.

В делопроизводственной документации того периода часто упоминались факты перехода на российскую сторону сирот. Отсутствие семьи делало членов горских обществ слабыми и уязвимыми для произвола со стороны других адыгов. В результате этого их дальнейшая жизнь в горах становилась бесперспективной. Россия стала для таких людей хорошей альтернативой, где за счёт доступных социальных лифтов они могли укрепить своё общественное положение. На правый берег Кубани бежали адыги, которые совершили проступки, вызвавшие негодование со стороны единоплеменников.

Другой важной причиной побегов горцев Северо-Западного Кавказа на подконтрольные российским властям территории являлся страх быть проданными в рабство. Активная внутренняя работорговля и продажа невольников в Османскую империю способствовали тому, что ранее свободных общинников продавали в рабство за долги или после их захвата в плен. Имели место факты, когда главы адыгских патриархальных семей, испытывая нужду в деньгах, не гнушались продажей в неволю младших членов своих семей.

Под защиту империи бежали т.н. мирные горцы, попавшие в плен в результате набегов закубанцев на аулы прикубанских владетелей, лояльных России. Выходцы из Закубанья спасались в российских пределах от голода.

8. Российские власти всячески старались помочь беглым адыгским дворянам и простым общинникам. Аристократы получали офицерские звания и награды. Детей знатных горцев направляли учиться в различные учебные заведения империи. Многие из них становились офицерами в различных частях российской армии. В период правления Николая I они получали различные льготы и преференции. Александр II отказался от данной практики: в период его правления выходцы с Северного Кавказа служили на равных с другими.

Принятие присяги на верность воспринималось адыгскими дворянами как помощь от России. Но имперские власти воспринимали этот шаг как факт признания адыгскими дворянами не только прав, но и обязанностей подданного империи. Результатом разного отношения к присягам становились многочисленные метания адыгских дворян между Россией и Закубаньем. Военная администрация терпимо относилась к данным перемещениям. Создавались условия для возвращения дворян обратно на российскую службу.

Беглых адыгских общинников также расселяли на правом берегу Кубани, им оказывалась денежная поддержка. Выходцы из Закубанья имели возможность поступать на военную службу. Частым явлением был обратный переход на левый берег Кубани. Это представляло серьёзную угрозу для безопасности Черномории и правого фланга Кавказской линии. В начале 1840-х гг. было решено переселять беглых адыгов на территорию Войска Донского. При этом им оказывалась существенная материальная поддержка.

Несмотря на социальную «пестроту», подавляющее большинство горцев, переходивших под защиту Российской империи, получало в её пределах защиту, освобождение от феодальной зависимости, возможность свободно исповедовать свою религию и мирно трудиться. Выходцы из Закубанья энергично включились в экономическое освоение Северо-Западного Кавказа, многие из них служили в российской армии и получали различные знаки отличия. Они внесли существенный вклад в процесс межкультурного взаимодействия в регионе, который, в свою очередь, обусловил дальнейшее развитие Северо-Западного Кавказа.

9. Армяне, жившие в первой половине XIX в. в Закубанье, играли важную роль в налаживании контактов между Россией и адыгами. Будучи частью горского социума, они активизировали экономическую посредническую деятельность в регионе. До 1829 г. некоторые из них наладили схему обмена пленными. За это армянские купцы получали награды от российского правительства. Когда в отношении торговцев совершались преступления, военная администрация предпринимала меры для розыска и наказания виновных, даже если это произошло на левом берегу Кубани. То есть, устойчивые связи черкесо-гаев и российских властей возникли задолго до исследуемого периода. Тем не менее этот фактор играл важную роль и в указанных нами хронологических рамках.

В первой половине XIX в. закубанские армяне постепенно начали переселяться в российские пределы. Для них создавались хорошие условия для перехода на правобережье Кубани. Черкесо-гаи создавали крупные поселения близ российских укреплений. Наиболее известным из них стал аул, расположенный недалеко от места впадения реки Уруп в Кубань. Благожелательная политика к закубанским переселенцам являлась причиной формирования высоких ожиданий у горских армян к местной власти. Несмотря на это выходцы из Закубанья находили под российской защитой возможность мирно жить и безопасно заниматься торговлей.

Локальные переселения на Северо-Западном Кавказе имели место уже в конце XVIII в., когда Россия начала значительно укреплять свои позиции в регионе. Они были вызваны комплексом внутренних социально-политических причин, существовавших в Российской империи и среди народов Северо-Западного Кавказа. После 1829 г. Закубанье юридически стало российской территорией. Локальные переселения в регионе перестали регулироваться нормами договорённостей с Османской империей – они стали внутригосударственным делом с точки зрения Санкт-Петербурга. Коренное население Закубанья в большинстве своём считало себя независимым.

Таким образом, к началу 30-х гг. XIX в. сложились уникальные исторические обстоятельства, когда обширный регион, в целом признанный на международной арене российским (за исключением Великобритании), государством фактически не контролировался. Более тридцати лет огромная империя и жители Закубанья находились в состоянии вооружённого противостояния и одновременно вели политический, экономический и социокультурный диалог с целью узнать и понять друг друга.

Характерной особенностью 1830–1860-х гг. являлось то, что перебежчики постоянно циркулировали между Россией и Закубаньем. Переходы на противоположную сторону и обратно могли совершаться по несколько раз. После того как Россия усилила своё военное присутствие на Северо-Западном Кавказе и в середине 1860-х гг. взяла эти территории под свой контроль, локальные переселения в регионе приобрели совершенно иной характер.

**Основные положения диссертации изложены
в следующих работах соискателя:**

*Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых изданиях,
рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:*

1. Степаненко Н.С. Причины бегства казаков к горцам Северо-Западного Кавказа в 30–60 гг. XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 12 (74). Часть 2. С. 171–176 (0,4 п.л.).

2. Степаненко Н.С. Переселение в Россию адыгской знати в 30-е гг. XIX в. (на примере дворянской семьи Аббатов) // Вестник Вятского государственного университета. Киров, 2017. № 4. С. 43–46 (0,4 п.л.).
3. Степаненко Н.С. Армяне между Россией и Закубаньем в первой половине XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2018. Вып. № 1. С. 105–111 (0,4 п.л.).
4. Степаненко Н.С. Казнь как высшая мера наказания беглых казаков в середине XIX века // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2020. № 2. С. 58–67 (0,5 п.л.).
5. Степаненко Н.С. Российские воины Магомед-Амина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2020. Вып. 3 (264). С. 127–134 (0,5 п.л.).

Статьи в иных научных изданиях:

6. Степаненко Н.С. Человек на стыке культур // Молодость. Интеллект. Инициатива: материалы II Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов (г. Витебск, 17–18 апреля 2014 г.). Витебск: Изд-во ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. С. 160–161 (0,2 п.л.).
7. Степаненко Н.С. О причинах нахождения поляков в горах Северо-Западного Кавказа в период «Кавказской войны» // История и обществознание: научный и учебно-методический ежегодник. Армавир: Изд-во АГПА, 2015. Вып. XII. С. 71–72 (0,2 п.л.).
8. Степаненко Н.С. О проявлениях девиантного поведения у части казаков Северо-Западного Кавказа (20–60-е гг. XIX века) // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. III: Материалы Международной научной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения краеведа Михаила Николаевича Ложкина. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2015. С. 163–166 (0,5 п.л.).
9. Степаненко Н.С. Адагумское собрание – попытка политической консолидации горцев Северо-Западного Кавказа в середине XIX века // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VIII. Материалы региональной научно-практической конференции (г. Пятигорск, 19–20 ноября 2015 г.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2015. С. 83–90 (0,5 п.л.).
10. Степаненко Н. С. О причинах дезертирства российских военнослужащих на Северо-Западном Кавказе в 30–60-е гг. XIX в. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2196–2200. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86467.htm>. (0,8 п.л.).
11. Н.С. Степаненко. Вице-адмирал Л.М. Серебряков о религиозно-политических процессах у западных адыгов в середине XIX века // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конф. (г. Славянск-на-Кубани, 30 окт. – 1 нояб. 2015 г.) / под.

ред.: Т.Г. Письменной, А.Н. Рябикова, Е.В. Манузина. – Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани, 2015. (0,37 п.л.).

12. Степаненко Н.С. Значение набегов в формировании новой социальной верхушки среди горцев Северо-Западного Кавказа до вхождения в состав России // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Сб. научных статей. Ставрополь: Печатный Двор, 2016. Вып. 8. С. 112–117 (0,4 п.л.).

13. Степаненко Н.С. Положение российских перебежчиков среди горцев Северо-Западного Кавказа в 30–60-е гг. XIX в. // Третьи Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвящённые памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича. Сб. статей. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2016. Ч. 2. С. 202–205 (0,3 п.л.).

14. Степаненко Н.С. Бегство казаков в горы в середине XIX века (на примере дела хорунжего П. Потапова) // Лучший научный и инновационный проект Армавирского государственного педагогического университета. Сборник статей. Армавир: Полипринт ИП Чайка А.Н., 2016. С. 190–199 (1,0 п.л.).

15. Степаненко Н.С. Об отношении российских властей к казакам-перебежчикам Лабинской линии в середине XIX века // Кант. Ставрополь, 2016. № 4 (21). С. 14–18 (0,3 п.л.).

16. Великая Н.Н., Степаненко Н.С. О бегстве ногайцев к горцам Северного Кавказа в 40-е годы XIX века // Академическая наука – проблемы и достижения: Материалы XI международной научно-практической конференции 6–7 февраля 2017 г. North Charleston (USA), 2017. С. 19–22 (0,2 п.л.).

17. Степаненко Н.С. Российское законодательство о дезертирах на Кавказе в первой половине XIX века // Россия и мир: история и современность: тезисы V Всероссийской (с международным участием) конф. студентов и молодых учёных (28 апреля 2017 г., Сургут). Сургут: РИО СурГПУ, 2017. С. 80–83 (0,4 п.л.).

18. Степаненко Н.С. Привлечение аристократии Северного Кавказа в военно-учебные заведения Российской империи в 30–60-е годы XIX века (законодательный аспект) // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – XI. Материалы регион. науч.-практ. конф. (г. Пятигорск, 26 апреля 2019 г.). Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2019. С. 304–310 (0,5 п.л.).

19. Степаненко Н.С. Обстоятельства переселения адыгского «чёрного народа» на подконтрольные России территории в 30-40-х гг. XIX в. // Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России: материалы VI Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 13–15 ноября 2019 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 144–151 (0,6 п.л.).

20. Степаненко Н.С. Беглые казаки и крестьяне – рабовладельцы на Северо-Западном Кавказе в середине XIX в. // Slavery: Theory and Practice. Washington, 2019. № 4 (1). С. 29–34 (0,5 п.л.).

СТЕПАНЕНКО НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ
ЛОКАЛЬНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ
В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНА В СОСТАВ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1830–1860-Е ГГ.)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Подписано в печать 22.09.2022 г. Формат 60 x 84 1/16
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 2,0. Тираж 100 экз. **Заказ № _____**
Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149